

RU

Феномен “gender apartheid” в англоязычном медиадискурсе:
прецедентность и аксиологическая семантика
(на материале статей The Guardian
о положении женщин в Афганистане)

Саркисян М. Р., Давыдова А. Р.

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу феномена “gender apartheid” в англоязычном медиадискурсе на материале статей The Guardian о положении женщин в Афганистане. Цель работы – определение семантики и аксиологического потенциала данной номинации. В статье обосновывается прецедентный характер лексемы “apartheid”, выступающей в составе исследуемого словосочетания как оценочный дескриптор, а также выявляются гиперо-гипонимические отношения между лексемами “segregation”, “apartheid” и “discrimination”. Изучение контекстуальных реализаций обнаруживает три взаимосвязанных аспекта функционирования рассматриваемой номинации: как общественного явления, политического режима и преступления. В каждом аспекте выявляются лексические единицы, объективирующие данные смыслы, и соответствующие семантические компоненты. Научная новизна заключается в том, что впервые феномен “gender apartheid” рассматривается как дескриптор гиперболизированного метафорического характера, совмещающий номинативную и оценочную функции. В результате доказано, что семантика “gender apartheid” аккумулирует исторические коннотации апартеида, проецирует их на современные гендерные отношения и формирует экспрессивный образ дискриминационной ситуации, выполняя функции компрессии информации и выражения устойчивой отрицательной оценки.

EN

The phenomenon of “gender apartheid”
in English-language media discourse:
precedence and axiological semantics
(based on The Guardian articles
on the situation of women in Afghanistan)

M. R. Sarkisyan, A. R. Davydova

Abstract. The article is dedicated to the linguacultural analysis of the “gender apartheid” phenomenon in English-language media discourse, using The Guardian articles regarding the status of women in Afghanistan as its primary material. The study aims to determine the semantics and axiological potential of this designation. The article substantiates the precedent nature of the lexeme “apartheid”, which functions as an evaluative descriptor within the studied phrase. In addition, hypero-hyponymic relations between the lexemes “segregation”, “apartheid”, and “discrimination” are identified. An investigation of contextual realizations reveals three interconnected aspects of the term’s functioning: as a social phenomenon, a political regime, and a crime. Within each aspect, the lexical units objectifying these meanings and their corresponding semantic components are identified. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, “gender apartheid” is examined as a hyperbolized metaphorical descriptor that combines nominative and evaluative functions. As a result, it is proven that the semantics of “gender apartheid” accumulate historical connotations of apartheid, project them onto modern gender relations, and form an expressive image of a discriminatory situation, performing the functions of information compression and the expression of a stable negative evaluation.

Введение

Мир в XXI веке живет в условиях интенсификации расовой дискриминации, гендерной иерархии, роста ксенофобии, поляризации общественных настроений, столкновения культурных кодов, кризиса традиционных ценностей и других процессов. Это обуславливает необходимость теоретического осмысления новых социальных реалий, появления дополнительных способов языковой номинации и расстановки акцентов на определенных фрагментах действительности. Одной из таких реалий, требующих репрезентации и акцентирования значимых смыслов, выступает социальный феномен “gender apartheid” (гендерный апартеид).

Настоящая статья посвящена исследованию феномена “gender apartheid” как прецедентного языкового знака, репрезентирующего специфику освещения данного явления в англоязычном медиадискурсе (на материале газетных статей The Guardian о положении женщин в Афганистане).

Изучение явлений, принадлежащих иной лингвокультуре, не теряет своей актуальности, что подтверждается значительным корпусом научных работ, в которых анализируется специфика представления знаний с позиций политологии, юриспруденции, социологии, лингвистики и других дисциплин (Волосатов, Малоземов, 2020; Кирина, 2018; Лобач, 2022; Матыцина, 2017; Панин, 2019). В условиях глобальной информационной интеграции и обострения ценностных противоречий язык становится полем идеологической борьбы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвистического осмысления механизмов формирования ценностных смыслов в современном медиадискурсе. В фокусе внимания находится феномен “gender apartheid” («гендерный апартеид»), выступающий в качестве устойчивого дескриптора, оказывающего существенное влияние на формирование общественного мнения о положении женщин в иной лингвокультуре. Несмотря на активное использование данного понятия в политологии и социологии, в современной лингвистике сохраняется потребность в изучении способов совмещения номинативной и оценочной функций в семантической структуре подобных словосочетаний. До настоящего времени недостаточно исследованными остаются лингвистические механизмы, посредством которых сложное социальное явление закрепляется в языке как аксиологически маркированная единица. Лингвистический анализ феномена “gender apartheid”, направленный на выявление механизмов совмещения номинативной и оценочной функций в семантической структуре данного словосочетания, позволяет уточнить данные политологии и социологии о механизмах формирования общественного мнения и роли языка в международных отношениях. Интеграция междисциплинарных подходов обеспечивает всестороннее изучение языковых механизмов репрезентации социально значимых явлений в глобальном коммуникативном пространстве, что вносит вклад в развитие лингвоаксиологии и политической лингвистики.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) обосновать прецедентный характер лексемы “apartheid” (апартеид) и её дескриптивную функцию в составе словосочетания “gender apartheid”;
- 2) выявить и систематизировать лексико-семантические компоненты номинации “gender apartheid”, актуализируемые в анализируемом тексте англоязычного медиадискурса;
- 3) установить функциональные и аксиологические характеристики исследуемой единицы на основе анализа её семантической структуры и контекстуальных реализаций;
- 4) определить смысловые аспекты функционирования номинации “gender apartheid” в рамках конкретной статьи The Guardian, посвященной положению женщин в Афганистане.

Для проведения исследования были выбраны англоязычные газетные сообщения (<https://www.theguardian.com/international>), посвященные положению женщин в Афганистане. Выбор данного издания обусловлен его авторитетностью в западном медиaprостранстве и ориентацией на широкую международную аудиторию. Обращение к афганскому контексту продиктовано тем, что именно после событий 2021 года феномен “gender apartheid” получил широкое употребление в англоязычной прессе для характеристики политики новых властей, что позволяет рассматривать данный феномен как показательный для изучения механизмов функционирования оценочной номинации.

Материалом исследования послужили слова и словосочетания, извлеченные методом сплошной выборки из газетных статей англоязычных авторов (Kelly Annie (2024), Gordon Brown (2025)), опубликованных в издании The Guardian за период с января 2025 по февраль 2026 года.

Настоящая работа выполнена в русле лингвистической проблематики. Ее теоретико-методологическую базу составляют несколько взаимодополняющих направлений. Фундаментальные положения лексико-семантического анализа (Кобозева, 2007; Уфимцева, 2002) позволяют описать семантическую структуру исследуемой единицы, включая ее гиперо-гипонимические связи (Щур, 1974; Гурьянова, 2019). Исследования в области лингвоаксиологии (Арутюнова, 1988; Вольф, 2002; Квашина, 2013) предоставляют инструментарий для выявления оценочных компонентов в значении слова и механизмов их актуализации в тексте. Поскольку анализируемое словосочетание “gender apartheid” обладает ярко выраженной прецедентной природой, работа опирается на теорию прецедентных феноменов (Красных, Гудков, Захаренко и др., 1997; Чудинов, 2007; Матыцина, 2017; Голутвина, Бабина, 2018). Кроме того, для понимания номинативной специфики исследуемой единицы привлекаются положения теории дескрипторов (Лебедев, 2009). Особую группу составили работы междисциплинарного характера, посвященные феномену апартеида и сегрегации (Блищенко, Верещетина, Вольский, 1989; Волосатов, Малоземов, 2020; Лобач, 2022; Панин, 2019; Чамбо, 1973), а также исследования гендерных аспектов в языке и обществе (Кирина, 2018). Обращение к этим источникам позволяет учесть исторический и социокультурный контекст функционирования анализируемой номинации.

При решении поставленных в работе задач использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки применялся для отбора языкового материала – фрагментов статей из газеты *The Guardian*, содержащих номинацию “gender apartheid” и репрезентирующих ее функционирование в контексте освещения положения женщин в Афганистане.

Дефиниционный анализ использовался для установления значений ключевых лексем (“segregation” (сегрегация), “apartheid” (апартеид), “discrimination” (дискриминация)), выявления их гиперо-гипонимических отношений и определения синонимической доминанты в исследуемой лексико-семантической группе. Этимологический анализ позволил раскрыть историко-культурный генезис лексемы “apartheid” и определить роль этимологического компонента в формировании оценочного потенциала исследуемой единицы. Контекстуальный анализ был применен для изучения функционирования номинации “gender apartheid” в англоязычном медиадискурсе, выявления семантических и прагматических особенностей ее употребления, а также для определения трех смысловых аспектов ее реализации в анализируемых текстах. На основе обобщения результатов контекстуального анализа были систематизированы устойчивые семантические компоненты, актуализируемые номинацией “gender apartheid” в медиадискурсе, и выделен инвариантный компонент значения, сохраняющийся во всех контекстах употребления.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории прецедентности и дескриптивности применительно к анализу социально значимых феноменов в медиадискурсе, а также в углублении представлений о механизмах формирования оценочных смыслов в языковом сознании.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в курсах лексикологии, стилистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

Феномен “gender apartheid” характеризуется признаками прецедентности, дескриптивности, способности к объективации национально значимых понятий и наличия когнитивных признаков смыслового и оценочного характера. Согласно точке зрения А. П. Чудинова, «использование в тексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в исторический контекст» (2007, с. 62).

Анализируемый феномен приобретает национальную специфичность и относится к числу прецедентных единиц языка, объективирующих национально значимые понятия, отсылающие к истории Южной Африки середины XX века, где был установлен уникальный в своем роде политический режим апартеида, полной сегрегации южноафриканского населения в соответствии с расовыми группами, проживающими в строго определенных для них сегрегированных районах (Волосатов, Малоземов, 2020; Лобач, 2022; Панин, 2019).

Феномен “gender apartheid” в нашем понимании становится прецедентным (Голутвина, Бабина, 2018; Красных, Гудков, Захаренко и др., 1997) и рассматривается как языковой знак, относящийся к классу дескрипторов, которые, характеризуя предмет по некоторым из его признаков, могут употребляться в языке (речи) вместо имени этого предмета (Лебедев, 2009). Как нам представляется, лексема “apartheid” является прецедентным именем, которое квалифицируется как дескриптор с когнитивным признаком «посягательство на жизнь, свободу и физическую целостность», изначально направленную на представителей народов Южной Африки. Несмотря на то, что данное прецедентное имя употребляется как простой знак, имплицитно реализуется дескрипция «политика расовой сегрегации, дискриминации и угнетения», что отражено в дефиниции “a policy or system of segregation or discrimination on grounds of race in South Africa” (Essential British English Dictionary). / политика или система сегрегации или дискриминации по расовому признаку в Южной Африке (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – М. С., А. Д.).

Таким образом, в проанализированном материале сочетание “gender apartheid” выступает как описательный дескриптор, выполняющий функцию семантического свертывания развернутой характеристики сложной социально-политической ситуации в Афганистане. В рассматриваемой статье данная номинация конкретизируется, впервые получая референтную привязку к положению афганских женщин после 2021 года. Это позволяет говорить о специализации значения и усилении дескриптивной функции исследуемой единицы. Оценочный компонент дескриптора реализуется через выбор лексемы “apartheid”, обладающей устойчиво отрицательной коннотацией, закрепленной в исторической памяти. Использование данной лексемы вместо семантически нейтральных “discrimination” или “segregation” имплицитно негативную оценку описываемого явления и активирует соответствующий аксиологический фон в структуре словосочетания.

Лексема «апартеид» вбирает в себя этимологическую двуплановость (английский корень “apart” со значением отдаления и африкаанс-суффикс “eid”, указывающий на состояние) (Чамбо, 1973, с. 8). Согласно БЭС (1998, с. 60), апартеид (апартхейд) – наиболее крайняя форма расовой дискриминации. Исходя из дефиниционного анализа “extended and institutionalized existing racial segregation” (расширение и институционализация существующей расовой сегрегации), апартеид определяется в терминах другого близкого к нему понятия «сегрегация» – “segregation in other contexts”. Принимая во внимание точку зрения И. П. Блищенко, В. С. Верещетиной, В. В. Вольского (1989, с. 71), сегрегация рассматривается как родовое по отношению к апартеиду понятие, а апартеид – как один из разновидностей сегрегации. В связи с чем следует выделить гиперо-гипонимические или родовидовые отношения, связывающие «слово, обозначающее общее, родовое понятие со словами, обозначающими частные подразделения этого понятия» (Гурьянова, 2019; Щур, 1974).

В нашем анализе такими языковыми единицами выступают “segregation”, “apartheid”, “discrimination”. Обратимся к словарным дефинициям для выделения синонимической доминанты, которая позволит определить лексему, занимающую первостепенную позицию в анализируемой группе лексических единиц, то есть гипероним. Так, лексема “segregation” – “*the enforced separation of different racial groups in a country, community, or establishment the official practice of keeping people apart, usually people of different sexes, races, or religions*” (Essential British English Dictionary). / принудительное разделение различных расовых групп в стране, сообществе или учреждении; официальная практика разделения людей, обычно по признаку пола, расы или религии.

Лексема “discrimination” определяется как “*the unjust or prejudicial treatment of different categories of people or things, esp. on the grounds of race, age, or sex*” (Essential British English Dictionary). / несправедливое или предвзятое обращение с различными категориями людей или вещей, особенно по признаку расы, возраста или пола. К тому же в толковом словаре иностранных слов дискриминация, определяемая как ограничение в правах, лишение равноправия, рассматривается в качестве синонима апартеида и сегрегации (Крысина, 1998, с. 59).

Для сравнения также приведем дефиницию лексемы “apartheid” – “*a political system in South Africa in which people were divided into racial groups and kept apart by law*” (Essential British English Dictionary). / политическая система в Южной Африке, при которой люди были разделены на расовые группы и изолированы друг от друга по закону.

Согласно представленным определениям, понятия «апартеид», «сегрегация» и «дискриминация» имеют общую исторически сложившуюся идеологию, основанную на расизме. Однако данные понятия, хотя и пересекаются и рассматриваются как синонимы, не являются тождественными. Термин «сегрегация» определяется как принудительное действие (“*the enforced separation*”) по разделению расовых групп; «дискриминация» – умаление прав какой-либо группы граждан (“*different categories of people*”) по мотивам их национальности, расы, пола, вероисповедания и т. п., в то время как в дефиниции лексемы “apartheid” дается четкое указание на истоки происхождения самого термина “South Africa” (Южная Африка) и расставлены акценты на том, что это политика, субъектом которой является государство “*a political system*” (политическая система).

Посредством представленного анализа дефиниций, в качестве гиперонима выступает лексема “discrimination” как родовое определение, связывающее два других термина. Данные понятия, несмотря на наличие идентифицирующих различий, ассоциируются с целостным комплексом отношений превосходства и подчинения одной группы над другой (Lovell, 1956, с. 308) и имеют явную отрицательную коннотацию, связанную с совершением преступления против человечества по мотивам национальности, расы, пола (Кирина, 2018).

Прецедентный феномен “gender apartheid” представляет собой языковое образование, сопряженное с правовым пространством человеческого бытия и охватывающее реалии повседневности в трех плоскостях – как общественное явление, как политический режим и как преступление. Ключевым репрезентантом феномена “gender apartheid” является лексема “apartheid”.

Лексема “gender” традиционно выступает в коллокации с лексемой “discrimination” и служит для указания общественного явления, субъектом которого выступают отдельно взятые индивиды в некоторых районах мира. В нашей работе этим районом мира, жители которого подверглись гендерной (половой) дискриминации, является Афганистан. В сочетании “gender apartheid” компонент “gender” конкретизирует сферу дискриминации (половая принадлежность); компонент “apartheid” привносит историко-культурную прецедентность и гиперболизированную оценочность, уподобляя гендерную дискриминацию преступлению против человечества.

В соответствии с этим феномен “gender apartheid” в западном языковом сознании выступает не просто номинацией, а оценочным, гиперболизированным и метафорически насыщенным конструктом, аккумулирующим историческую память об апартеиде и проецирующим её на современные ситуации гендерной дискриминации в Афганистане.

Таким образом, в контексте проведённого исследования “gender apartheid” определяется нами как языковая единица, которая посредством метафорического переноса признаков исторического апартеида на сферу гендерных отношений создаёт преувеличенно-экспрессивный образ дискриминационной ситуации, замещающая развёрнутое описание и выражая негативную оценку явления.

Проведенный анализ контекстов употребления словосочетания “gender apartheid” позволил выявить устойчивый инвариантный семантический компонент исследуемой номинации – «посягательство на жизнь, свободу и физическую целостность», – который сохраняется при актуализации единицы в различных контекстах.

Наряду с инвариантным компонентом, в семантической структуре исследуемой номинации выделяются дополнительные смысловые блоки, объединенные в три взаимосвязанных аспекта функционирования: “gender apartheid” как общественное явление, “gender apartheid” как политический режим и “gender apartheid” как преступление. Основанием для выделения данных аспектов послужил анализ лексической сочетаемости и тематической отнесенности контекстов, отобранных методом сплошной выборки из газетных статей The Guardian.

Рассматривая под углом «gender apartheid как общественное явление», анализируемая номинация реализуется через описание повседневных практик дискриминации, пронизывающих все сферы жизни афганских женщин. На лексическом уровне выделяются следующие тематические группы:

1. Сегрегация по полу и принудительное сопровождение объективируется сочетаниями: “*the women were travelling without a male escort, or mahram*” (женщины путешествуют без сопровождающего-мужчины, или махрама); “*refusal to let women travel to hospitals unaccompanied*” (отказ разрешать женщинам ездить в больницы без сопровождения); “*need for women to be accompanied by a man in public*” (необходимость сопровождения женщин мужчиной в общественных местах).

2. Регламентация телесности и унификация внешности объективируется сочетаниями: *“women to cover every part of their body in thick cloth in public”* (требование к женщинам покрывать каждую часть тела плотной тканью в общественных местах); *“arresting us over our clothing”* (аресты за одежду); *“clothing was ‘un-Islamic’* (одежда была «неисламской»).

3. Маргинализация и исключение из публичного пространства выявляется на основе анализа следующих контекстов: *“ban women from speaking in public”* (запрет женщинам говорить в общественных местах); *“deem their voices an ‘intimate’ part of their bodies”* (приравнивание голоса к «интимной» части тела); *“ban women from almost every form of paid employment”* (запрет на трудоустройство); *“block their access to the legal system”* (отсутствие доступа к судебной системе).

4. Прерывание преемственности и лишение будущего вербализуется коллокациями: *“stopped girls from attending secondary school and university”* (запрет на посещение школ и университетов для девочек); *“closure of all medical training to women, including prospective midwives”* (заккрытие медицинского образования для женщин, включая будущих акушерок).

Оценочный компонент в данном аспекте реализуется через акцент на абсурдности и жестокости последствий (смерть из-за отсутствия сопровождающего); фиксацию масштаба явления (более 80 указов, 14 млн пострадавших); использование лексем с негативной коннотацией (*“draconian policies”* (драконовская политика), *“systematically stripped away”* (систематическое лишение)).

Под углом «gender apartheid как политический режим» анализируемый феномен представлен как целенаправленная государственная политика, оформленная юридически и поддерживаемая институтами власти. Анализ лексического материала позволяет выделить следующие смысловые блоки:

1. **Легитимация угнетения через нормативные акты** объективируется сочетаниями: *“laws have been specifically crafted to constrain the lives of women”* (законы, специально разработанные для ограничения жизни женщин); *“issued more than 80 edicts curtailing the rights of all Afghanistan’s women and girls”* (свыше 80 указов, ограничивающих права женщин и девочек).

2. **Институциональность и деградация социальных институтов** вербализуется сочетаниями: *“Taliban’s policies”* (политика Талибана); *“Taliban’s decision”* (решение Талибана); *“Taliban’s draconian policies towards women”* (драконовская политика Талибана в отношении женщин); *“maternal and child healthcare system dangerously compromised and eroded”* (разрушение системы охраны здоровья матери и ребенка); *“closure of all medical training to women”* (прекращение медицинского обучения женщин).

Оценочный компонент в данном аспекте проявляется через проведение параллелей с историческим прецедентом – апартеидом; характеристику политики как возврата к средневековым практикам (*“brought back flogging and the stoning and public execution”* (возвращение порки, забивания камнями и публичных казней)); а также указание на цинизм и безжалостность власти (*“even in life and death emergencies, instead of letting us treat patients they are instead arresting us”*) даже в чрезвычайных ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти, вместо оказания помощи пациенткам происходят аресты).

Рассматривая под углом «gender apartheid как преступление», данная номинация реализуется через описание посягательств на жизнь, свободу и физическую целостность, квалифицируемых в терминах международного права. На лексическом уровне семантический компонент «посягательство на жизнь и физическую целостность» объективируется статистическими данными и описаниями летальных исходов: *“800 maternal deaths”* (800 случаев материнской смертности); *“1000 newborn deaths”* (1000 случаев смерти новорожденных); *“women’s chance of dying in childbirth will have increased by 50%”* (увеличение риска смерти в родах на 50%); *“24 mothers and 167 infants already die every day”* (ежедневная смертность среди рожениц и младенцев); *“baby had already died in her womb”* (смерть младенца в утробе); *“baby died on the way due to lack of oxygen”* (смерть младенца от кислородного голодания); *“uterus had ruptured”* (разрыв матки); *“miscarriage due to inability to access care”* (выкидыш из-за невозможности получить помощь); *“death during labour”* (смерть во время родов).

Оценочный компонент в данном аспекте реализуется через количественные показатели (статистика смертей, прогнозы), создающие эффект неопровержимости; имплицитную квалификацию действий как преступных через описание системных нарушений прав человека (прямая номинация «преступление против человечества» отсутствует, но актуализируется через совокупность контекстов).

Феномен «gender apartheid», как показало исследование, представляет собой полифункциональный языковой знак, который, проецируя семантические компоненты исторического понятия «апартеид» на область гендерных отношений, выступает в роли компактного дескриптора, замещающего развернутое описание, и одновременно служит носителем отрицательной аксиологической модальности. Выделенные три аспекта функционирования отражают многоаспектность реализации данной номинации в англоязычном медиадискурсе и позволяют представить ее как целостное языковое образование, семантически сопряженное с правовым и ценностным пространством человеческого бытия.

Заключение

Проведённое исследование феномена «gender apartheid» в англоязычном медиадискурсе (на материале статей *The Guardian*, посвященных положению женщин в Афганистане) позволяет сформулировать следующие выводы, соответствующие поставленным задачам:

1. Обоснован прецедентный характер лексемы “apartheid” и её дескриптивная функция в составе словосочетания “gender apartheid”. Установлено, что лексема “apartheid”, аккумулирующая историческую память о политике расовой сегрегации в ЮАР, выступает в составе анализируемой номинации как дескриптор, который не только замещает развёрнутое описание ситуации, но и имплицитно её негативную оценку. Оценочный компонент значения реализуется через выбор данной лексемы (с её устойчивой отрицательной коннотацией) вместо семантически нейтральных “segregation” или “discrimination”.

2. Выявлена и систематизирована совокупность семантических компонентов феномена “gender apartheid”, актуализируемых в англоязычном медиадискурсе. Посредством контекстуального анализа и обобщения его результатов установлена иерархия компонентов значения:

а) инвариантный (ядерный) семантический компонент – «посягательство на жизнь, свободу и физическую целостность», – фиксируемый во всех контекстах употребления;

б) периферийные семантические компоненты, объединенные в тематические блоки: «сегрегация по полу и принудительное сопровождение», «регламентация телесности и унификация внешности», «маргинализация и исключение из публичного пространства», «прерывание преемственности и лишение будущего», «легитимация угнетения через нормативные акты», «институциональность и деградация социальных институтов», а также компоненты, связанные с описанием физического насилия и его последствий.

3. Установлены номинативная природа и аксиологические характеристики феномена “gender apartheid”. В функциональном аспекте исследуемая единица представляет собой полифункциональный языковой знак, который посредством метафорического переноса семантических компонентов исторического понятия «апартеид» на сферу гендерных отношений создаёт экспрессивный образ дискриминационной ситуации, совмещая функции номинации, компрессии информации и выражения оценки.

В аксиологическом аспекте номинация “gender apartheid” характеризуется устойчивой отрицательной коннотацией, которая реализуется как эксплицитно через использование прямых оценочных лексем, так и имплицитно через отсылку к историческому прецеденту апартеида и фиксацию масштаба последствий.

4. Определены три взаимосвязанных смысловых аспекта функционирования феномена “gender apartheid” в англоязычном медиадискурсе («как общественное явление», «как политический режим» и «как преступление»), которые позволяют представить его как целостное языковое образование, семантически сопряженное с правовым и ценностным пространством человеческого бытия.

Перспективным направлением является изучение того, как феномен “gender apartheid” воспринимается и интерпретируется в различных лингвокультурных сообществах, в том числе в странах, непосредственно затронутых данной проблемой, что позволит выявить культурно обусловленные различия в концептуализации гендерной дискриминации. Представляет интерес вопрос о том, какие ещё исторические прецеденты (колониализм, рабство, геноцид) активируются в современных дискуссиях о дискриминации и каковы механизмы их языковой репрезентации.

Материалы исследования | Research materials

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1998.
2. Крысина Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1998.
3. Essential British English Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english/>
4. Annie K. What is gender apartheid – and can anything be done to stop it? 2024. <https://www.theguardian.com/global-development/2024/oct/09/what-is-gender-apartheid-activists-international-law-women-girls-rights-afghanistan-iran>
5. Brown G. Whipped in front of everyone’: three women on being flogged by the Taliban. 2025. <https://www.theguardian.com/global-development/2025/may/06/afghanistan-taliban-sharia-law-mahram-women-flogging-public-moral-crimes-guardians>

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
2. Блищенко И. П., Верещетина В. С., Вольский В. В. Международно-правовые проблемы стран Африки. М., 1989.
3. Волосатов П. В., Малоземов С. И. Режим апартеида в Южно-Африканской республике: динамика общественно-политического развития в конце 70-х – 80-х гг. XX в. // Контентус. 2020. № 11.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УССР, 2002.
5. Голутвина А. В., Бабина Л. В. Функционирование прецедентных феноменов в современных англоязычных новостных статьях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.17>
6. Гурьянова О. А. Гиперо-гипонимические отношения в английской терминологии телевидения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 7. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.38>
7. Квашина В. В. Проблемы аксиологии в современном языкознании // Вестник Челябинского Государственного педагогического университета. 2013. № 2.

8. Кирина О. В. Гендерная специфика недосказа: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2018.
9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: КомКнига, 2007.
10. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц ив коммуникации // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3.
11. Лебедев М. В. Динамический подход к анализу соотношения истинности и обоснованности в структуре языкового значения // Ценности и смыслы. 2009. № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskiy-podhod-k-analizu-sootnosheniya-istinnosti-i-obosnovannosti-v-strukture-yazykovogo-znacheniya>
12. Лобач Д. В. Апартеид как международное преступление в системе международного уголовного права: нормативно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2022. 12 (10А).
13. Матыцина М. С. Исследование политического дискурса в российской и европейской лингвистике: актуальные направления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. № 3. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.18>
14. Панин Н. А. Национальная идентичность африканеров: переосмысление в контексте поликультурной среды пост-апартеидной ЮАР // Гуманитарный акцент. 2019. № 1.
15. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. Изд-е 2-е, стер. / ред. Ю. С. Степанов. М.: Едиториал УРСС, 2002.
16. Чамбо Д. Апартеид – преступление против человечества: автореф. дисс. ... к. юрид. н. К., 1973.
17. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Изд-е 2-е, испр. М.: Флинта: Наука, 2007.
18. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
19. Lovell C. R. Africaner Nationalism and Apartheid // The American Historical Review. 1956. Vol. 61. № 2.

Информация об авторах | Author information

RU

Саркисян Мариана Робертовна¹, к. филол. н., доц.

Давыдова Анна Робертовна², к. филол. н., доц.

¹ Пятигорский государственный университет

² Армавирский государственный педагогический университет

EN

Mariana Robertovna Sarkisyan¹, PhD

Anna Robertovna Davydova², PhD

¹ Pyatigorsk State University

² Armavir State Pedagogical University

¹ smarianne@yandex.ru, ² bootlegger@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.02.2026; опубликовано online (published online): 29.04.2026.

Ключевые слова (keywords): феномен “gender apartheid”; прецедентный дескриптор; семантическая структура; аксиологический потенциал; гиперо-гипонимические отношения; phenomenon of “gender apartheid”; precedent descriptor; semantic structure; axiological potential; hypero-hyponymic relations.